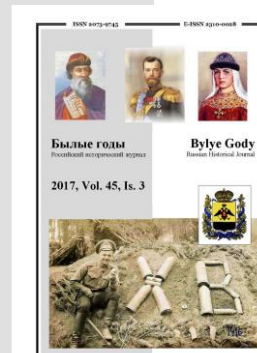

Copyright © 2017 by Sochi State University
 Copyright © 2017 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the Russian Federation
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 ISSN: 2073-9745
 E-ISSN: 2310-0028
 Vol. 45, Is. 3, pp. 1010-1024, 2017
 DOI: 10.13187/bg.2017.3.1010
 Journal homepage: <http://bg.sutr.ru/>

UDC 94 : 323.1(512.145)"1783/1917"

The Southern Periphery of the Russian Empire and a Problem of Colonialism (on materials of National Policy of Russia in Relation to the Crimean Tatars at the end of XVIII – the beginning of the 20th century)

Vladislav V. Dmitriev ^a, Sergey V. Lyubichankovskiy ^{b, *}

^a Sevastopol State University, Russian Federation

^b Orenburg State Pedagogical University, Russian Federation

Abstract

In the article the author tries to prove or disprove the opinion of some researchers that the Imperial government and the provincial administration pursued a colonial policy in relation to the Crimean Tatars since the end of 18th to the beginning of the 20th century which was aimed at their expulsion from the peninsula. To achieve this goal, the author analyzes the main directions of national policy of Russia towards one of the indigenous ethnic groups of the Crimea. The formation of the normative-legal base that allowed formalizing the rights and privileges of the Tatars is covered. The participation of Crimean Tatars in local government and self-government in which they had significant influence in the first decades after the annexation of Crimea to Russia is shown. The features of the military service of the Crimean Tatars in the Russian army are considered. The author has paid special attention to religious and educational policy of Russia in the Crimea. The causes of a phenomenon of dispossession of land of Tatars and attempt of permission of this problem are considered. The conclusion is drawn that the Russian Empire pursued in the Crimea not colonizer policy, but flexible policy of acculturation.

Keywords: Russia, government, politics, Taurida governorate, colonialism, acculturation, Governor, the Crimean Tatars.

1. Введение

Актуальность данного исследования обусловлена как необходимостью учета многовекового исторического опыта России по поддержанию стабильности в многокультурном государстве, так и особым значением Крыма для России. На протяжении столетий территория полуострова являлась многонациональным и многоконфессиональным регионом, одним из коренных этносов которого были крымские татары. Изучение опыта интеграции крымских татар в состав Российской империи, особенностей политики, проводимой царским правительством в Крыму в конце XVIII – начале XX века, может быть полезным на современном этапе развития.

2. Материалы и методы

2.1. При написании статьи, в качестве источников использовались архивные документы; законодательные материалы, такие как Полный свод законов Российской империи (далее – ПСЗРИ); ведомственная документация, в частности ордера князя Г. Потемкина; статистические данные; научные публикации.

2.2. Методологическую основу исследования составили принципы историзма и научной объективности, предполагающие непредвзятый подход к анализу рассматриваемой проблемы.

* Corresponding author

E-mail addresses: svlubich@yandex.ru (S. Lyubichankovskiy)

При написании статьи использовались такие методы исторического исследования, как: проблемно-хронологический, системного анализа, историко-сравнительный и ретроспективный подход. Используемые в работе методы позволили проанализировать основные направления внутренней политики, проводимой царским правительством по отношению к крымским татарам.

3. Обсуждение

Данная тема не была всесторонне изучена в отечественной историографии, хотя имперская политика освоения окраин давно уже является самостоятельным научным направлением (Любичанковский, 2015; Kuliev, 2017). Отдельные аспекты рассматриваемой проблемы изучались и ранее. Так, вопросы крымско-татарского землевладения затрагивались в работах Ф.Ф. Лашкова (Лашков, 1896а; Лашков, 1896b), Г.Ф. Блюменфельда (Блюменфельд, 1886), С.А. Секиринского (Секиринский, 1886). Военная служба крымских татар изучалась И.М. Муфтизаде (Муфтизаде, 1899), М.В. Масаевым (Масаев, 2003), А.В. Саковичем (Сакович, 2016). Основные направления национально-религиозной жизни крымских татар исследовались учеными Е. В. Бойцовой (Бойцова, 2008), В.Ю. Ганкевичем (Ганкевич, 1998), Э.С. Муратовой, З.З. Хайрединовой (Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов, 2009). Основное внимание исследователей было обращено на эмиграцию крымских татар в Турцию. В связи с массовым выездом татар из Крыма во второй половине XIX – начале XX века, в дореволюционной, советской и отчасти современной историографии сформировалось негативное восприятие правительственной политики по отношению к одному из коренных народов полуострова. (Левицкий, 1882; Сергеев, 1912; Озенбашлы, 1926; Чернышев, 1930; Сейдаметов, 2005; Возгрин, 2013 и 2014). Одним из немногих ученых, занимавших противоположную позицию был А. И. Маркевич (Маркевич, 1928).

Целью данной статьи является анализ основных направлений внутренней политики Российской империи по отношению к крымским татарам на их соответствие основным признакам колониализма.

4. Результаты

В последние несколько десятилетий в исторической науке появились исследования, в которых авторы выдвинули тезис, что российские власти в лице как правительства, так и губернской администрации Крыма, в период с 1783 по 1917 гг., проводило колонизаторскую политику, направленную на вытеснение с полуострова крымскотатарского народа. Так, исследователь Сейдаметов, рассматривая внутреннюю политику царской России в Крыму, писал: «Эта колонизаторская политика сопровождалась обезземеливанием и закрепощением крымскотатарского населения, грабежами и произволом помещиков и правительственных чиновников, разбоями воинских подразделений, репрессиями, ссылками, надругательством над религиозными чувствами верующих мусульман (Сейдаметов, 2005: 30).

Подобную позицию отстаивает в своих работах ученый В.Е. Возгрин (Возгрин, 2013: 31-32; Возгрин, 2014: 45). Характеризуя политику царского правительства по отношению к крымским татарам в период Крымской войны, он усматривает «отчетливые черты геноцида» (Возгрин, 2014: 45). Именно с политикой российских властей указанные выше ученые связывали массовую иммиграцию татар в Турцию в дореволюционный период.

На протяжении XVIII в. между Россией и Османской империей происходит военно-политическая борьба за контроль над Северным Причерноморьем. Одним из итогов этого противоборства стало включение в состав России территории Крымского полуострова, в основном населенного татарами. Крымские татары, привыкшие столетиями к определенному укладу жизни, болезненно восприняли происходившие перемены. Часть татарского населения единственным выходом из сложившейся ситуации видело в эмиграции на территорию «единоверной» Турции.

Царское правительство своими основными задачами на территории Крыма видело в закреплении полуострова в составе России и в интеграции новых подданных в состав империи с учетом их интересов. Не всегда удавалось решить одновременно эти две задачи, иногда достижение одной задачи могло идти в ущерб другой.

Рассматривая основные направления внутренней политики проводимой Россией в Крыму с конца XVIII до начала XX в., необходимо отметить, что с момента присоединения Крыма к России царское правительство стремилось заручиться поддержкой местного населения. Одним из направлений, проводимых правительством в этой сфере, было законодательное закрепление прав новых подданных.

Уже в своем первом законодательном акте от 8 апреля 1783 г. Екатерина II от своего имени и от лица будущих российских правителей обещала соблюдать личные, имущественные и религиозные права новых подданных (ПСЗРИ. Т. XXI, 1830: 898).

По сути это был юридический документ, декларировавший основные направления внутренней политики государства по отношению к народам Крыма и в первую очередь к крымским татарам. Дальнейшие законодательные акты в основном имели адресную направленность и касались конкретной социальной группы населения.

Для того, чтобы заручиться поддержкой крымско-татарской знати, Екатерина II своим указом от 22 февраля 1784 г. приравнивает их в правах к российскому дворянству. С этого времени татарские беи и мурзы получили право пользоваться большинством преимуществ и выгод, присущих высшему сословию России. Ограничения касались права на приобретение в собственность крепостных или подданных христианского вероисповедания ([ПСЗРИ. Т. XXII, 1830: 51](#)).

Законодательные акты коснулись и других сословий, проживавших в Крыму. Так, указом от 9 ноября 1794 г. подтверждалось право мусульманского духовенства, купцов, мещан, простых татар на свободное владение недвижимым имуществом и распространение этого права на их наследников ([ПСЗРИ. Т. XXIII, 1830: 585-588](#)).

Издание первых законодательных документов, регламентирующих на многие годы права крымских татар, совпало с их первой крупной эмиграцией. Среди причин, выезда одного из коренных этносов Крыма были слухи о распространении на них рекрутской повинности. Для пресечения подобных слухов Высочайшим рескриптом от 17 сентября 1796 г. данным на имя Екатеринославского, Вознесенского и Таврического генерал-губернатора графа П.А. Зубова сообщалось о том, что новые российские подданные, включая и крымских татар, освобождались от рекрутского набора и военного постоя ([Сборник документов, 1896: 96](#)).

Интеграция Крыма в состав России во многом зависела от грамотного управления регионом. Наиболее сложная задача стояла перед первыми руководителями новоприсоединенных земель юга России. Среди них следует выделить Г.А. Потемкина, осуществлявшего общее руководство краем и причастного к преобразованиям в разных сферах жизни региона.

Особой заботой Г.А. Потемкина стала интеграция крымских татар в состав России, предупреждение и пресечение правонарушений со стороны военнослужащих по отношению к местному населению, о чем свидетельствует ряд его распоряжений.

В своем ордере на имя командующего российскими войсками в Крыму генерал-поручика А.Б. Дебальмена от 31 мая 1783 г. Г.А. Потемкин предписывал: «Российские военнослужащие, находящиеся на полуострове не должны причинять обид местному населению и относиться к нему дружелюбно, в противном случае, провинившиеся будут нести ответственность по всей строгости закона» ([Распоряжения светлейшего князя 1881: 265](#)). Несмотря на указанное распоряжение, случаи грабежей со стороны военнослужащих продолжались, но виновные несли справедливое наказание за содеянное.

Для того, чтобы пребывание российской армии не было тяжелым финансовым бременем для жителей полуострова Г.А. Потемкин требовал от командования группы российских войск в Крыму, чтобы заготовки для армии осуществлялись путем покупки у местного населения необходимого продовольствия и фуража. Для их хранения нанимались специальные помещения, за пользование которыми хозяева получали денежную компенсацию ([Распоряжения светлейшего князя, 1881: 280](#)).

Несмотря на проводимые правительством и местной администрацией мероприятия по отношению к крымским татарам, их эмиграция продолжалась. В своих предписаниях Г.А. Потемкин указывал правителю таврической области В.В. Каховскому не препятствовать выезду татар в Турцию. В тоже время в ордере от 9 августа 1784г. он требовал проводить тщательное расследование относительно лиц, подстрекавших татарское население к эмиграции в Турцию. Виновных в подстрекательстве выдворять за пределы России ([Распоряжения светлейшего князя, 1881: 304-305](#)).

Поскольку выезд татар из Крыма продолжался, то в своем ордере, от 16 августа 1787 г., Г.А. Потемкин обращает внимание правителя Таврической области В.В. Каховского на то: «Что новые подданные ни русского языка, ни обычаев наших не знают, поэтому требуют всякой защиты и покровительства со стороны местной администрации» ([Ордера князя Потемкина, 1889: 10-11](#)).

Одним из направлений деятельности царского правительства и администрации региона стало привлечение в органы местного управления крымско-татарской знати. Первым эту практику в Крыму стал вводить Г.А. Потемкин.

Вскоре после присоединения Крыма к России из представителей наиболее знатных татарских родов, проявивших лояльность к новой власти, было создано Крымское земское правительство, просуществовавшее с июня 1783 по июнь 1784 г. В его состав входило около 10 человек среди них: Мехметша-бей Ширинский в качестве наместника, муфтий Гаджи-Казы Ага, кади-аскер Муслядин Эфенди, доверенное лицо Г.А. Потемкина – Якуб-Ага и другие. Создавая правительство из представителей крымско-татарского народа, Г.А. Потемкин пытался успокоить местное население и доказать, что правительство не стремится внести резкие изменения в уклад жизни новых подданных. Управление на местах до 1787-1788 гг. осуществляли каймаканы. Недостаточная эффективность данной системы местного управления в новых реалиях и стремление ее унифицировать по общероссийским стандартам привело к реформированию административного устройства Крыма. Согласно указам от 2 и 8 февраля 1784 г. была образована Таврическая область, состоявшая из 7 уездов. В состав новой административной единицы входили Крымский полуостров, Тамань и земли, расположенные между Перекопом и Екатеринославским наместничеством ([ПСЗРИ. Т. XXII, 1830: 20; ПСЗРИ. Т. XXI, 1830: 17-18](#)). Подробности формирования органов управления в Крыму в конце XVIII в. изложены статье В.В. Дмитриева ([Дмитриев, 2016: 97-100](#)).

24 апреля 1784 г. было опубликовано два императорских указа, в одном из которых утверждался штат Таврической области, а в другом – уделялось внимание привлечению в органы управления местного населения (ПСЗРИ. Т. XXII, 1830: 137-138).

Следуя императорскому указу 1784 г. Г.А. Потемкин продолжил практику привлечения татар в органы местного управления. Так, представители татарской знати занимали большинство должностей, избираемых дворянством, среди них: областного и уездных предводителей дворянства, заседателей дворянских опеков, верхних и нижних земских судов. Доминировали крымские татары и на должностях городских голов на территории полуострова. Такое положение сохранялось и в первые десятилетия XIX века. Одним из недостатков крымских татар, занимавших должности в областной, а потом и губернской системе управления и самоуправления было не знание или слабое владение русским языком и законодательной базой России. Указанные недостатки, а также миграционные процессы, которое увеличили количество лиц других национальностей в регионе, привели со временем к сокращению должностей, занимаемых крымскими татарами в местных органах власти.

Одним из направлений деятельности правительства по интеграции крымских татар в российское общество стало их привлечение на военную службу. В истории существования крымско-татарских военных подразделений в составе российской армии можно условно выделить несколько этапов.

На первом этапе, который продолжался с 1784 по 1874 гг. служба крымских татар была добровольной. В ней было задействовано незначительное количество населения, в основном это были представители знатных родов. На этом этапе существование крымско-татарских подразделений находилось в прямой зависимости от воли правящего монарха и геополитического положения. Началу службы крымских татар в составе российской армии положил указ Екатерины II от 1 марта 1784 г., адресованный Г.А. Потемкину о создании из жителей Таврической области пяти конных дивизионов (ПСЗРИ. Т. XXII, 1830: 60). К нему прилагался приблизительный штат с указанием жалованья по должностям (ПСЗРИ. Т. XLIII, 1830: 210).

С 1784 по 1796 гг. количество конных татарских дивизионов неоднократно менялась с 2 до 6. В основном они находились в пределах Крыма и использовались для охраны лесов, соляных озер, ловли беглых и разбойников, а также сопровождали почту и представителей власти. Так, три конных дивизиона сопровождали Екатерину II во время ее путешествия 1787 г. по Крыму. Со смертью императрицы, татарские дивизионы были распущены.

Воссоздание татарских военных формирований в составе российской армии связано с обострением российско-французских отношений в начале XIX века. В 1806 г., в связи с обострением международного положения, татарское население Крыма обратилось к царскому правительству с предложением создать в составе российской армии татарские военные подразделения. На основании прошения, 24 января 1807 г., был издан императорский указ о создании из крымских татар, по казацкому образцу, четырех конных полков: Симферопольского, Перекопского, Евпаторийского и Феодосийского (ПСЗРИ. Т. XXX, 1830: 31-34).

Первые три, из перечисленных выше полков, участвовали в войне 1812 г. и заграничных походах российской армии против наполеоновской Франции. Многие из крымских татар за проявленный героизм получили правительственные награды и повышение по службе. Так майор Кая бей Балатуков, командовавший Симферопольским полком, возвратился из походов в чине генерал-майора. Он стал первым крымским татаринцем, дослужившимся в российской армии до чина генерала (Муфтизаде, 1899: 13). В 1817 г. татарские военные полки были расформированы.

Усилиями Кая бея Балатукова удалось на протяжении 1825–1826 гг. добиться от Александра I, а потом Николая I согласия на создание регулярного крымско-татарского эскадрона. Указ о его создании вышел в 1826 г., а через год началось формирование самого эскадрона.

Состоял эскадрон из 230 человек и делился он на три части: две находились на службе в Петербурге и одна в Крыму. Военная служба оплачивалась из казны, однако приобретение обмундирования, лошадей, конского снаряжения являлось обязанностью крымско-татарского общества, которое ежегодно на нужды эскадрона платило специальный налог.

В Петербурге эскадрон вошел в состав лейб-гвардии Сводного казачьего Его Величества полка. Для размещения эскадрона в 1846 г. было построено специальное трех этажное здание, внутри которого был отведен роскошный зал под мечеть. На территории расположения эскадрона было выделено отдельное помещение для проживания муллы (Муфтизаде, 1899: 16).

После окончания Крымской войны, в результате массовой эмиграции крымских татар в Турцию с 1859 по 1862 г., возникли проблемы с комплектованием и содержанием эскадрона. Александр II своим указом от 26 мая 1863 г. упразднил крымско-татарский эскадрон, создав на его основе команду лейб-гвардии крымских татар в составе Собственного Его Величества конвоя общей численностью 24 человека (ПСЗРИ. Т. XLIX, 1874: 502-505). В таком виде бывший эскадрон просуществовал до 1890 г. За время своего существования отдельные части эскадрона принимали участие в русско-турецких войнах 1828–1829 и 1877–1879 гг., а также Крымской войне. Ряд военнослужащих за героизм получили боевые награды Российской империи.

Введение с 1 января 1874 г. всеобщей воинской повинности стало для крымских татар новым этапом военной службы в составе российской армии. Если до реформы военная служба для крымских татар была добровольной, то после ее проведения стала обязательной.

Преобразования правительства, связанные с призывом на действительную военную службу, татарское население Крыма встретило настороженно. У части крымских татар предстоящая военная реформа вызвала панику и стремление эмигрировать в Турцию.

Можно выделить ряд причин, вызвавших негативную реакцию татарского населения на введение всеобщей воинской повинности:

1. Крымские татары на протяжении более 90 лет пребывания в составе России были освобождены от службы в армии. Те, кто проходил добровольную службу в составе российской армии составляли незначительный процент татарского населения Крыма.

2. Слабая осведомленность крымских татар о предстоящих реформах. Практически отсутствовали публикации на татарском языке о сути военной реформы. Информация на русском языке была для татар недоступна из-за его незнания большинством населения. Проводилась недостаточная разъяснительная работа среди татар. Данную причину можно отнести к просчетам, как со стороны правительства, так и органов местного управления Таврической губернии.

3. Распространение среди татарского населения ложных слухов, которые и без того осложняли непростую ситуацию на полуострове. Среди наиболее распространенных слухов можно выделить:

- на татарское население распространится рекрутская повинность;
- все татарское мужское население с 20 до 40 лет будет обязано нести военную службу;
- крымские татары будут вынуждены служить разрозненно в разных подразделениях «на просторах необъятной России» и не смогут полноценно исполнять свои религиозные обряды.

Слухи эти распространялись как по причине слабой осведомленности татар о данной реформе, так, и по причине злонамеренного распространения заведомо ложной информации. В распространении данного вида слухов были заинтересованы, как ряд чиновников в Крыму, поскольку они брали сверх официальной суммы деньги за написание прошений на выезд и оформление заграничных паспортов, так и турецкие эмиссары, заинтересованные в дестабилизации положения на полуострове и пополнении населения Турции.

Перед введением в действие основных положений о всеобщей воинской повинности, в правительственных кругах, с участием новороссийского и бессарабского генерал-губернатора П.Е. Коцебу, обсуждался вопрос о необходимости облегчения воинской службы для крымских татар. Признавалось целесообразным будущих татарских новобранцев определять в отдельное подразделение, а не распределять по территории всего государства. По мнению участников обсуждения данного вопроса, это позволило бы избежать возможной эмиграции татар (Мартьянов, 1886: 698-700). Несмотря на целесообразность создания отдельного татарского подразделения, указанное предложение не нашло своего отражения в новом Уставе о всеобщей воинской повинности от 1 января 1874 г. Данное обстоятельство, а также перечисленные выше причины негативного отношения татар к новой реформе спровоцировали новую волну эмиграции татар.

Надо отдать должное членам правительства, в частности военному министру генерал-адъютанту Д.А. Милютину, который в сжатые сроки, к марту 1874 г., разработал специальный проект, предполагавший прохождение большинством крымских татар военной службы в специально созданном для них эскадроне на территории Крыма. Для данного подразделения, исходя из национальных особенностей крымских татар, были специально изменены некоторые положения и правила прохождения строевой и внутренней службы (Муфтизаде, 1899: 19).

Для того, чтобы успокоить татарское население Крыма по поручению императора Александра II на полуостров был направлен генерал-адъютант С.М. Воронцов, который пользовался большим авторитетом у крымских татар. С.М. Воронцову было поручено передать копию будущего проекта о службе крымских татар Таврическому губернатору А.А. Кавелину и совместно с ним и чиновниками органов местного управления ознакомить татар с особенностями прохождения ими воинской службы. Благодаря совместной деятельности С.М. Воронцова и администрации региона удалось сократить количество татар, желавших покинуть Россию.

12 июня 1874 г. был издан официальный указ, объявлявший о формировании в Одесском военном округе Крымского эскадрона. Комплектование нового военного подразделения происходило в основном за счет татарских новобранцев (ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1881: 878-879). Располагался Крымский эскадрон под Бахчисараем.

В 1875 г. из новых новобранцев был создан второй эскадрон, располагавшийся в Симферополе. Александр II своим указом от 21 июля 1875 г. преобразовал Крымский эскадрон в дивизион, состоявший из двух эскадронов (ПСЗРИ. Т. L, 1875: 76-77).

Первоначально, после введения всеобщей воинской обязанности, Крымский дивизион не мог включить в свой состав всех татарских новобранцев, поэтому правительство приняло решение о прохождении военной службы частью татарских призывников за пределами Крыма, но ограничив территориальные рамки близлежащими губерниями Новороссийского края.

21 февраля 1906 г. Николай II утвердил положение Военного совета о переформировании Крымского дивизиона в 6-ти эскадронный полк (ПСЗРИ. Т. XXVI, 1906: 162-163). Данные изменения,

проведенные на протяжении 1906–1908 гг., позволили большинству крымских татар проходить военную службу на территории Таврической губернии.

Необходимо отметить, что в крымско-татарских военных формированиях в дореволюционный период соблюдались права верующих: официально отмечались религиозные праздники, исполнялись религиозные обряды, в штат указанных военных подразделений входили служители культа мулла и муэдзин. Имелись культовые сооружения. Так 10 октября 1909 г. в Симферополе в торжественной обстановке была открыта полковая мечеть.

Мечеть получила название «Джамиет Валиде», в переводе с крымско-татарского – «Мать народа». Так называло татарское население Крыма императрицу Александру Федоровну, которая считалась покровительницей крымско-татарского народа. Императрица пожертвовала на строительства мечети 10000 рублей и подарила несколько дорогих ковров общей стоимостью около 50000 рублей. В этот же день, 10 октября 1909 г., она была назначена Шефом полка и полк получил новое наименование: Крымский конный Ее Величества Государыни Императрицы Александры Федоровны полк (Сакович, 2016).

Сложно обвинять российское правительство и лично императоров в каком-либо предвзятом отношении к крымским татарам или в целенаправленной политике вытеснения татар из Крыма. Необходимо принять во внимание, что с 1832 г. крымские татары в составе лейб-гвардии Сводного казачьего Его Величества полка принимали участие в мероприятиях по охране императоров во время их передвижений по территории государства. С 1886 г. крымско-татарские эскадроны регулярно встречали и сопровождали императорскую семью по территории Крыма. Охраняли Ливадийское имение царской семьи, а также великокняжеские имения «Чаир», «Ореанда» и «Харакс».

Политика царского правительства в Крыму в конфессиональной сфере основывалась на толерантности и веротерпимости. Так указами от 8 апреля и 28 июля 1783 г. Екатерина II гарантировала мусульманам Крыма соблюдение их религиозных прав (ПСЗРИ. Т. XXI, 1830: 985-986).

Г.А. Потемкин в своих ордерах, на имя командующих российскими войсками на Кубани и в Крыму приказывал строго соблюдать религиозную толерантность по отношению к татарскому народу, с уважением относились к их религиозным обрядам и культовым сооружениям (Распоряжения светлейшего князя, 1881: 272). Мусульманское духовенство освобождалось от податей и налогов, а татарское население в вопросах раздела наследства получало право пользоваться шариатом и свои споры в случае обоюдного согласия решать третейским судом посредством мулл (Лашков, 1896b: 96).

На протяжении веков мусульманское духовенство Крыма пользовалось большим авторитетом и влиянием на крымско-татарское общество, исполняло многочисленные функции. Поэтому первоочередными задачами для правительства было привлечение на свою сторону мусульманского духовенства и организация системы управления духовными делами мусульман Крыма. Осуществление поставленных задач было сопряжено с рядом трудностей.

На протяжении нескольких столетий Османская империя оказывала существенное влияние на политическую и духовную жизнь крымских татар. Ее правители с 1517 г. стали халифами всех мусульман-суннитов. С конца XVI в. имя турецкого султана в качестве халифа включили в хутбу мусульман Крыма перед именем хана. С этого времени в Турции из муфтиев начали избирать шейх-уль-ислама, курировавшего духовенство на подведомственных Османской империи территориях. Это давало возможность султанам Османской империи утверждать кандидатуру крымского муфтия и влиять на его политику (Ислам в Крыму, 2009: 49-50).

Религиозная зависимость татар от турецкого султана сохранялась и по статьям Кючук-Кайнардийского договора 1774 г. и Айналы-Кавакской конвенции 1779 г. (Дружинина, 1955: 351, 362).

Несмотря на отмену Россией в 1783 г. в одностороннем порядке статей выше указанных договоров, значительная часть татарского духовенства продолжала занимать протурецкую ориентацию. Этому способствовало и то, что российское правительство не запрещало жителям Крыма посещать святые для мусульман места и получать духовное образование на территории Турции.

Понимая реальное положение дел на полуострове, царское правительство осторожно подходило к преобразованиям в духовной сфере. После присоединения полуострова, первые десятилетия система управления мусульманами Крыма не претерпела значительных изменений. Были переутверждены на своих должностях муфтий Мусалар эфенди и кади-аскер Сеит Мегмет эфенди, на содержание которых выделялись существенные суммы денег из государственной казны (ПСЗРИ. Т. XXII, 1830: 137-138).

Укрепление позиций России в Азово-Черноморском регионе позволило царскому правительству перейти к преобразованиям в религиозной сфере. Реформы не были всеобъемлющими и коснулись в основном системы управления и контроля за духовной жизнью мусульман Крыма. Указом от 23 января 1794 г. создавалось Магометанское духовное правление для руководства и надзора над всем мусульманским духовенством Таврической области. Возглавлял данный орган муфтий, которому в управлении помогали кади-аскер и еще пять членов именуемых эфендиями. В указе особое внимание уделялось личным качествам перечисленных должностных лиц. Среди них первоочередным являлась преданность российскому престолу (ПСЗРИ. Т. XXIII, 1830: 482).

Недостатком данного указа являлось то, что он не разъяснял круг обязанностей Магометанского духовного правления, поэтому эффективность работы данного органа с 1794 по 1831 гг. оставалась низкой. За это время на рассмотрение правительства было подано ряд проектов будущего устройства и функционирования Магометанского духовного правления. Среди авторов поданных документов были сенатор И.В. Лопухин (1803 г.) и таврический губернатор Д.Б. Мертваго (1805 г.) (Александров, 1918: 322-328, 331-335).

Оба проекта не были приняты в представленном виде, но были дополнены и легли в основу «Положения об устройстве Таврического Магометанского Духовного правления» утвержденного Николаем I – 23 декабря 1831 г.

Официальное открытие Таврического магометанского духовного правления (ТМДП) произошло 29 ноября 1832 г. «Положением...» устанавливалось деление мусульманского духовенства на высшее и приходское. Высшее духовенство было представлено ТМДП. В его состав входили: муфтий, руководивший ТМДП и являвшийся духовным главой мусульман Таврической и Западных губерний; кади-аскер помощник муфтия, заменявший его во время отсутствия; уездные кадии духовные руководители отдельного округа рассматривавшие и решавшие духовные дела на подведомственной им территории.

Положением также определялись штаты и организация работы ТМДП.

К компетенции Таврического Магометанского Духовного правления (ТМДП) относились все конфессиональные вопросы, а также имущественные дела, касающиеся раздела собственности по завещанию.

К основным обязанностям Таврического магометанского духовного правления относились:

- попечение над культовыми сооружениями и религиозными учебными заведениями, которые принадлежали мусульманам;
- контроль за вакуфами принадлежавшими в основном мечетям и мусульманским учебным заведениям (ПСЗРИ. Т. VI, 1831: 337-345).

ТМДП был с одной стороны высшим органом управления духовными делами мусульман Крыма, с другой – органом, контролируемым губернскими властями и находившийся в ведении Департамента духовных дел иностранных исповеданий МВД Российской империи. Поэтому все должностные лица, входившие в штат ТМДП, являлись государственными служащими и находились на обеспечении государства.

Прогрессивной для того времени была и процедура избрания муфтия и кади-аскера. В отличие от выборов данных духовных лиц в других регионах России, где они назначался министром внутренних дел, таврический муфтий и кади-аскер до 1891г. избирались собранием мусульман. Три избранных кандидатуры, с характеристикой по каждому из них через таврического губернатора и министра внутренних дел подавались на утверждение императору.

В «Положение 1831 г.» была представлена структура, процедура избрания и функциональные полномочия мусульманского приходского духовенства.

С целью предупреждения сепаратизма высшее и приходское духовенство должно было приносить присягу на верность императору (ПСЗРИ. Т. VI, 1831: 337-345).

В 1829 г. был издан указ «О вакуфных имениях в Крыму», который регламентировал систему вакуфной собственности в регионе. В частности, он разъяснял общие правила этого вида собственности и понятия духовного и частного вакуфов. Вакуфы являлись неприкосновенной собственностью мусульманского духовенства и находились на попечении муфтия и духовного магометанского правления, которые несли за них ответственность перед Главным управлением департамента духовных дел иностранных исповеданий.

Безответственное отношение к своим обязанностям, желание нажиться привели к крупным злоупотреблениям с вакуфной собственностью, выявленной губернской администрацией в последней трети XIX века. В одном из своих отчетов таврический губернатор П.М. Лазарев предлагал изъять у ТМДП все вакуфные и имущественные дела, а во всем остальном указанный орган подчинить строгому надзору губернской администрации (РГИА. Ф. 1284. Оп. 223. Д. 180. Л. 78). Несмотря на предложения губернатора, только частные вакуфы по «Положению 1874 г.» передавались во введение местного Управления государственными имуществами, духовные вакуфы и в дальнейшем оставались в ведении ТМДП.

В конце XIX – начале XX века, в связи с ростом революционного движения и опасением сепаратистских тенденций, происходит усиление контроля за мусульманским духовенством Крыма. Так в 1891 г., процедура избрания муфтия духовенством была заменена принципом назначения.

Кроме того, стремясь не допустить проникновения в среду духовенства либеральных идей, Министерство внутренних дел в 1911 г. сообщило губернаторам, что лица, окончившие курс медресе, не могут занимать должности мулл без удостоверений губернского начальства, в которых указывалось об их политической благонадежности и непричастности к религиозно-националистической агитации. В том же году было отдано распоряжение о недопущении к преподаванию в мектебе и медресе мусульман, получивших богословское образование за границей (Бойцова, 2008: 330).

За время пребывания в составе Российской империи мусульманское духовенство Крыма не подвергалось притеснениям на религиозной почве. Так, характеризуя количество мусульманских культовых сооружений можно отметить, что на момент присоединения Крыма к России насчитывалось 1531 мечеть, 21 текие (Скальковский, 1867: 22). К 1825 г. в Таврической губернии количество мечетей увеличилось до 1652 при сокращении текие до 13. И только в результате массовой эмиграции татар в Турцию, в 1859–1862 гг., происходит сокращение мусульманских мечетей. На 1891 г. в Крыму функционировало 710 мечетей и 21 текие. Таким образом, сокращение количества мусульманских культовых сооружений храмов не было связано с их насильственным закрытием (Ислам в Крыму, 2009: 171-172).

При лояльности со стороны государства в среде мусульманского духовенства периодически выявлялись сепаратистские тенденции, которые не имели массового характера. Как правило, всплеск подобных тенденций приходился на время русско-турецких войн. Сепаратистские проявления имели место:

- при проведении религиозных обрядов и имевшие своей целью оказать помощь Османской империи в победе над Россией (Лашков, 1890: 96-101);
- в агитации среди крымских татар, призывающей к антироссийским восстаниям и эмиграции в Турцию (Маркевич, 1905: 30).

Подобные случаи выявлялись местной администрацией, виновные арестовывались и, как правило, высылались за пределы Крыма.

В сфере образования царское правительство неоднократно подвергалось критике за ущемление прав национальных меньшинств. Но это в меньшей степени касалось крымских татар.

Еще в период существования Крымского ханства на полуострове сформировалась образовательная система, характерная для мусульманских стран того времени. Она была представлена конфессиональными учебными заведениями двух ступеней:

- мектебе – школы первой ступени или начальные мусульманские школы церковноприходского типа;
- медресе – духовные мусульманские учебные заведения, второй ступени, которые готовили мусульманское духовенство и учителей мектебе.

Крымские татары с глубоким уважением и трепетом относились к традициям и системе образования, сформировавшихся у них на протяжении веков. Для мусульманина считалось долгом отдать своих детей на обучение в конфессиональные учебные заведения, где их учили быть ревностными последователями ислама.

Сложившееся положение в системе образования крымских татар хорошо понимали как чиновники Министерства народного просвещения, так и местная администрация. Они не проводили политики, направленной на ликвидацию или ограничение татарских конфессиональных учебных заведений. По статистическим сведениям, собранным в 1783 г. татарской уездной администрацией для главнокомандующего русскими войсками в Крыму барона Ингельстрема на полуострове насчитывалось 26 мектебе и 23 медресе (Статистические сведения о Крыме, 1886: 113-116).

Пребывание Крыма в составе Российской империи не отразилось негативно на количестве мусульманских конфессиональных учебных заведений. Хотя их численность в зависимости от разных причин постоянно менялась.

По отчету таврического губернатора В.И. Пестеля к 1850 г. на территории губернии насчитывалось 143 мектебе и 96 медресе (РГИА. Ф. 1281, Оп. 5, Д. 30. Л. 31).

Эмиграция татар в середине XIX в. негативно отразилась на количестве конфессиональных учебных заведений в Крыму. На 1876 г. насчитывалось 147 мектебе, в которых обучалось 3722 ребенка и 40 медресе. Со временем количество учебных заведений и учащихся в них вновь возрастает. В 1892 г. насчитывалось 448 мектебе, в которых обучалось 11711 детей обоего пола и 84 медресе с численностью учащихся 2200 человек (Ганкевич, 1998: 34, 48).

Известный крымско-татарский педагог и общественно-политический деятель И. Гаспринский отмечал, что в конце XIX века любая мусульманская община в Крыму имела свою школу и мечеть (Гаспринский, 1881: 26). По воспоминаниям И. Гаспринского бахчисарайское Зинджерли-медресе было самым крупным и богатым медресе не только в Крыму, но во всей России (Гаспринский, 1890).

Чиновники Министерства народного просвещения, органов местного управления и самоуправления Таврической губернии старались не вмешиваться в систему конфессионального образования крымских татар. Исключение составлял вопрос, который был поднят в последней трети XIX в., об обязательном изучении русского языка, как отдельного предмета, во всех крымско-татарских учебных заведениях. Также поднималась вопрос о несоответствии санитарно-гигиеническим нормам тех помещений, в которых проходил учебный процесс.

Со временем система конфессионального образования крымских татар потребовала изменений соответствующих духу времени. Особенно в этом нуждались мектебе. Инициатором и автором реформы выступил в конце XIX – начале XX века И. Гаспринский. Правительство не препятствовало осуществлению преобразований. В результате их проведения, к 1914 г. в Крыму большинство мектебе утратили конфессиональный характер и превратились в крымско-татарские школы с изучением

общеобразовательных дисциплин, преподавание в которых велось на крымско-татарском языке (Ганкевич, 1998: 121).

Слабое знание русского языка крымскими татарами, по мнению правительства, не способствовало их интеграции в состав России. Поэтому на протяжении всего XIX в. параллельно с существованием конфессиональных учебных заведений, чиновниками Министерства народного просвещения, при поддержке губернской администрации, создавались светские татарские учебные заведения с преобладанием преподавания на русском языке. В первой половине XIX в. подобные учебные заведения существовали непродолжительное время из-за низкой популярности среди местного населения. Крымские татары продолжали отдавать предпочтение конфессиональным учебным заведениям. Некоторые чиновники, отвечавшие за систему образования в Таврической губернии, с целью привлечения в русскоязычные учебные заведения крымских татар, высказывали мнение, о необходимости ограничения или закрытия мектебе и медресе. Но подобные инициативы не были поддержаны, ни руководством Таврической губернии, ни правительством.

В 1870 г. на правительственном уровне была принята комплексная программа, которая предусматривала, в частности, обучение крымских татар русскому языку. Итогом принятой программы стало создание в Крыму полутора десятка русско-татарских министерских училищ. Несмотря на то, что данные учебные заведения не стали ведущими в системе образования крымских татар, их можно было рассматривать своеобразной светской альтернативой конфессиональному обучению крымских татар. В 1872 г., в Симферополе было открыто светское учебное заведение Татарская учительская школа. Ее задачей стала подготовка учителей для крымско-татарских учебных заведений.

Крымские татары в Российской империи имели возможность не только обучаться на родном языке, но и издавать литературу и выпускать газету. Для этих целей И. Гаспринским в г.Бахчисарае была создана типография, позволявшая издавать учебники и другую крымско-татарскую литературу, а с 1880 г. начался выпуск газеты «Переводчик-Терджиман». Данное периодическое издание выходило на русском и татарском языках и продолжительное время являлось единственным печатным органом тюркоязычных народов России.

Среди целого комплекса мер, проводимых царским правительством, по отношению к крымским татарам, больше всего нареканий вызывает социально-экономическая политика. Большинство крымских татар на протяжении конца XVIII – начала XX века было задействовано в сельском хозяйстве. Политика государства в этой сфере имела противоречивый характер. К достижениям можно отнести причисление крымских татар к категории государственных крестьян, за ними сохранялась личная свобода, они не подлежали подушной подати и рекрутской повинности, поскольку это противоречило постулатам ислама. К просчетам правительства можно отнести ухудшение социально-экономического положения значительной части крымско-татарского крестьянства, что во многом было связано с процессом их обезземеливания. По подсчетам исследователя С.А. Секиринского количество безземельных татар в Крыму к середине 70-х годов XIX в. составляло 51.8 % (Секиринский, 1970: 359).

Анализ источников и литературы по данной теме позволяет нам выделить несколько основных причин обезземеливания крымских татар:

1. *Нарушения, происходившие в Крыму при раздаче земель новым владельцам.* Так, присоединение Крыма к России в конце XVIII в., привело к первой массовой эмиграции татар. Многие земли, эмигрировавших татар перешли в казенное ведомство. С целью колонизации края, с 1784 г., начинается массовая раздача казенных земель российскому дворянству. Раздача земель происходила с определенными нарушениями. Под видом никому не принадлежавших земель новым владельцам отводились участки, имевшие своих хозяев или на которых жили и работали татары-арендаторы. Это привело к конфликтам и судебным тяжбам между старыми и новыми владельцами.

2. *Существенные отличия в земельных отношениях, существовавших в России и Крымском ханстве.* Так, в Крымском ханстве господствовали патриархальные отношения в подходе к земельной собственности. Это проявлялось:

- во-первых, в отсутствии у части собственников документов, подтверждавших их право собственности на земельный участок.

- во-вторых, татары-арендаторы жили и пользовались ханскими землями и землями татарской знати в форме добровольной сделки, имевшей договорную форму. За пользование землей они платили денежную ренту и должны были отрабатывать 6–8 дней в году на собственника земли. Перечисленные выплаты и отработки не делали татар собственностью крупных землевладельцев или хана.

Русские помещики внесли более четкие правила в понимание собственности, когда свое право на землю четко отделялось от чужого, чего раньше не было у татар. Новые помещики, воспитанные на крепостных отношениях, смотрели на живущих в пределах их владений татар, как на своих постоянных работников. Часто они в нарушение принятых на законодательном уровне норм увеличивали количество дней, которые татары должны были отработать за пользование участком или требовали замены этих дней денежной платой, превышающей стоимость официально принятых дней. В случае неисполнения крестьянами своих обязанностей помещик имел право выселить их со

своей земли и принять на их место новых (Лашков, 1896а: 60). Вследствие такого произвола татары разорялись, вынуждены были скитаться по Крыму в поисках нового места жительства у другого землевладельца.

3. *Продажа земли самими татарами или отказ от арендопользования.* Так, часть татарского населения добровольно продавало свою землю или отказывалось от продолжения аренды. Среди причин продажи были: соблазн улучшить свое материальное положение из-за высоких цен на землю в Крыму или в связи с выездом в Турцию. Не все эмигранты приживались за границей, часть из них возвращалась на родину, но пополняло количество безземельных крестьян.

Передача в собственность новым землевладельцам 350 тыс. десятин крымской земли, в конце XVIII – начале XIX в. вызвала острые споры между ними и татарами, представленными преимущественно государственными крестьянами. Для разрешения земельных споров подавались жалобы в местные органы власти. Так крымские татары в своих жалобах апеллировали на незаконную конфискацию у них земель, а помещики – на неисполнение татарами, проживавшими как, они считали, на их землях, своих повинностей. Земельные споры в Крыму, вынудили правительство создать комиссию, для их разрешения. В ее состав вошли как столичные, так и местные чиновники. Формально комиссия начала свою работу с 1797 г., реальное рассмотрение земельных споров осуществлялось с 1802 по 1810 гг. За это время было принято к рассмотрению около 400 жалоб, поданных преимущественно крымскими татарами.

На первоначальном этапе работы комиссии, правительство было настроено на справедливое решение земельных споров, о чем свидетельствовали «специальные правила» 1802 г., принятые для пользования членами комиссии при рассмотрении жалоб. Издание данных правил вызвало негативную реакцию со стороны новых землевладельцев, поскольку угрожало им потерей незаконно захваченных земель.

Ситуацию изменило то, что среди новых крымских помещиков было много влиятельных царедворцев, которые используя свое положение, вначале обратились с прошением к членам комиссии, а потом и к царю. В своем прошении новые землевладельцы представили татар исключительно в негативном свете, как вредных для государства и склонных к мятежам. Себя они характеризовали, как людей, посвятивших всю жизнь служению Отечеству и принявших деятельное участие в присоединении Крыма к России. Использование комиссией «Правил» 1802 г. при разборе земельных споров, новые землевладельцы видели угрозу существованию своих имений в Крыму (Лашков, 1896b: 35, 38). Прошение русских помещиков и их влияние при царском дворе возымело действие. По указанию Александра I «Правила» 1802 г. были переработаны и дополнены.

23 апреля 1804 г. высочайшим указом были изданы, по сути, новые «Правила» для работы Комиссии по разбору земельных споров. «Правила» 1804г. значительно ограничивали земельные права татар по сравнению с «Правилами» 1802 г. Комиссия по земельным спорам при решении конфликтов между старыми и новыми собственниками теперь отдавала предпочтение наличию документов на землю, которых у татар, за исключением знати, как правило, не было. Относительно незаконно переданных новым владельцам татарских земель, прежним владельцам они не возвращались, в лучшем случае татары могли рассчитывать на компенсацию (ПСЗРИ. Т. XXVIII, 1830: 288-292). Из-за нежелания членов комиссии обострять отношения с влиятельными собственниками этих земель, большинство татарских исков к новым собственникам оставалось без ответа.

Собственниками новых земель, раздаваемых в Крыму, становились не только русские дворяне, но и представители знати других национальностей, в том числе и крымские татары. Так члены Крымского земского правительства: Мехметша-бей Ширинский получил от казны 27333 десятин крымской земли, а Батыр-Ага 14629 десятин и это были не единичные случаи (Лашков, 1896а: 58). По подсчетам исследователя С.А. Секиринского, изучавшего аграрные отношения в дореволюционном Крыму, больше всего жалоб на незаконный захват крестьянской земли поступило на крупных татарских помещиков Ширинских (Секиринский, 1984: 34-35). Татарское дворянство также осуществляло угнетение своих соотечественников, арендовавших у помещиков их земли. В случае выгодной сделки по продаже земли или не выполнения татарскими крестьянами условий аренды, помещики изгоняли их со своих владений, лишая крова и средств к существованию.

Вызывает, безусловно, сочувствие тяжелое социально-экономическое положение безземельных татар, но угнетению в то время подвергались не только крымские татары, но и крестьяне других национальностей, в том числе русские и украинцы. Рассмотренные события послужили поводом к массовому обезземеливанию татар.

Правовая база, регулировавшая земельные отношения в Крыму, на протяжении I половины XIX в., пополнялась новыми законодательными актами, но они не улучшили положения татарского крестьянства, поскольку исходили из интересов крупных землевладельцев.

Обратить серьезное внимание на проблему безземельных крестьян в Крыму вынудила массовая эмиграция крымских татар 1859-1862 гг. Свои предложения о путях улучшения быта татар, об источниках и условиях наделения их землей во второй половине XIX – начале XX вв. на рассмотрение правительства подавали как таврические губернаторы (А.Г. Рейтерн, П.М. Лазарев, В.Ф. Трепов) так и известные государственные деятели и члены различных комиссий (С.М. Воронцов,

П.П. Косаговский). Несмотря на поданные предложения, правительство так и не сумело до Февральской революции 1917 г. осуществить преобразования по улучшению положения безземельных татар.

Таким образом, правительственная политика, проводимая в социально-экономической сфере, несмотря на свою национальную окраску, носила сословный характер и не имела антитатарской направленности. Опорой самодержавия в России в то время выступало дворянство, поэтому в интересах именно этого сословия принимались законы, и осуществлялась государственная политика.

5. Заключение

Проведенный анализ основных направлений внутренней политики Российской империи по отношению к крымским татарам не позволяет согласиться с тезисами о том, что царское правительство проводило целенаправленную колонизаторскую политику по вытеснению с полуострова крымских татар. Напротив, это была гибкая политика аккультурации. В социально-экономической сфере крымские татары пользовались льготами, они были освобождены от крепостного права, не подлежали подушной подати, освобождались от военного постоя и рекрутской повинности. Нельзя отрицать, что социально-экономическая политика царского правительства, касавшаяся землеустройства татарского крестьянства, была неудачной и стала одной из причин, провоцирующих эмиграцию крымских татар. Но данная политика носила не национальный, а социальный характер, поскольку проводилась в интересах высшего сословия. В то же время политика государства в других сферах не носила по отношению к татарскому народу дискриминационный характер, об этом свидетельствуют: свобода вероисповедания, развитие национального образования, участие татар в органах управления и самоуправления Крыма, а также доверие, оказываемое крымским татарам при охране царской семьи.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект №17-18-01008).

Литература

- Александров, 1918** – Александров И.Ф. К истории учреждения Таврического Магометанского духовного правления // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1918. №25. С. 316-355.
- Блюменфельд, 1886** – Блюменфельд Г.Ф. Крымско-татарское землевладение. Одесса, 1888. 112 с.
- Бойцова, 2008** – Бойцова Е.Е. Государственно-правовая система управления мусульманскими общинами Крыма в конце 18 – начале 20 века / *Материалы докладов международной научно-практической конференции Вторые севастопольские Кирилло-Мефодиевские чтения*. Севастополь, 2008 г. С. 325–332.
- Возгрин, 2013** – Возгрин В.Е. Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII – конец XIX в.) (часть I) // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2013. №11. С. 29-53.
- Возгрин, 2014** – Возгрин В.Е. Немецкие колонисты и крымские татары в национальной политике Российской империи (XVIII – конец XIX в.) (часть II) // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2014. №12. С. 43-78.
- Ганкевич, 1998** – Ганкевич В.Ю. Очерки истории крымскотатарского народного образования: (Реформирование этноконфессиональных учебных заведений мусульман Таврической губернии в XIX – начале XX века). Симферополь, 1998. 164 с.
- Гаспринский, 1890** – Гаспринский И. Зинджерли-медресе / *Переводчик-Терджиман*. 1890. 18 февраля. №6.
- Гаспринский, 1881** – Гаспринский И. Русское мусульманство. Мысли, заметки и наблюдения мусульманина. Симферополь, 1881. 45 с.
- Дмитриев, 2016** – Дмитриев В.В. Влияние Г.А. Потемкина на формирование органов управления в Крыму в конце XVIII в. // *Парадигмы истории и общественного развития: сборник научных трудов*. Севастополь, 2016. Вып. 2-3. С. 97-100.
- Дружинина, 1955** – Дружинина Е.И. Ключук-Кайнарджийский мир 1774 года. М., 1955. 384 с.
- Ислам в Крыму, 2009** – Ислам в Крыму: Очерки истории функционирования мусульманских институтов // *сост. Е.В. Бойцова, В.Ю. Ганкевич, Э.С. Муратова, З.З. Хайрединова*. Симферополь, 2009. 432 с.
- Лашков, 1896a** – Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1896. №24. С. 35-71.
- Лашков, 1896b** – Лашков Ф.Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1896. №25. С. 29-88.
- Лашков, 1890** – Лашков Ф.Ф. Материалы для истории второй турецкой войны 1787–1791 гг. // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1890. №10. С. 79-106.
- Левицкий, 1882** – Левицкий Г.П. Переселение татар из Крыма в Турцию // *Вестник Европы*. 1882. №10. С.96-640.

- Любичанковский, 2016** – Любичанковский С.В. Сенаторская ревизия Туркестанского края в 1908–1909 гг. // *Вопросы истории*. 2015. №1. С. 127-132.
- Масаев, 2003** – Масаев М.В. Крымские татары в вооруженных силах России (конец XVIII - начало XX века): дис. ... канд. истор. наук. Харьков, 2003. 26 с.
- Маркевич, 1928** – Маркевич А.И. Переселение крымских татар в Турцию в связи с движением населения в Крыму // *Известия Академии наук СССР. VII серия. Отделение Гуманитарных наук*. 1928. №4-7. С.375-405.
- Маркевич, 1905** – Маркевич А.И. Таврическая губерния во время Крымской войны: по архивным материалам // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1905. № 37. С. 1-260.
- Мартьянов, 1886** – Мартьянов П.К. Из прошлого: Последняя эмиграция татар из Крыма в 1874 г. // *Исторический вестник*. 1886. Т.24. №6 (июнь). С. 698-709.
- Муфтизаде, 1889** – Муфтизаде И.М. Очерк военной службы крымских татар с 1783 по 1899гг. / И.М. Муфтизаде // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1899. №30. С.1-24.
- Озенбашлы, 1926** – Озенбашлы А. Роль царского правительства в эмиграции крымских татар // *Крым*. 1926. №2. С.143-146.
- Ордера князя Потемкина, 1889** – Ордера князя Потемкина. 1787 год: сообщил / Г. Киреенко // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. 1889. №8. С.1-11.
- ПСЗРИ. Т. XXI, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXI. №15708. 1083 с.
- ПСЗРИ. Т. XXII, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXII. №15920. 1158 с.
- ПСЗРИ. Т. XXIII, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXIII. №17174. 969 с.
- ПСЗРИ. Т. XXVIII, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXVIII. №21275. 1326 с.
- ПСЗРИ. Т. XXX, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XXX. №22772. 1402 с.
- ПСЗРИ. Т. XLIII, 1830** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. I. СПб., 1830. Т. XLIII. Книга штатов. (ч.1). №15945. 156 с.
- ПСЗРИ. Т. VI, 1831** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1831. Т. VI. (ч.2). №5033. 360 с.
- ПСЗРИ. Т. XXXVIII, 1881** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1881. Т. XXXVIII. (ч.1). №39667. 940 с.
- ПСЗРИ. Т. XLIX, 1874** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1874. Т. XLIX. (ч.1). №53634. 948 с.
- ПСЗРИ. Т. L, 1875** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. II. СПб., 1875. Т. L. (ч.2). №54927. 513 с.
- ПСЗРИ. Т. XXVI, 1906** – Полный Свод Законов Российской империи. Собрание. III. СПб., 1906. Т. XXVI. (ч.1). №27429. 1141 с.
- Распоряжения светлейшего князя, 1881** – Распоряжения светлейшего князя Григория Александровича Потемкина-Таврического касательно устройства Таврической области с 1781 по 1786: сообщил / Н.Н.Мурзакевич // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД)*. 1881. Т.12. С. 249-330.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- Сакович, 2016** – Сакович А.В. Крымский Конный полк: За Царя, Царицу и Отечество // Military Крым – военно-исторический интернет портал: сайт. – URL: <http://military.sevstudio.com/sakovich-konny-polk/> (дата обращения 30.08.2016).
- Сборник документов, 1896** – Сборник документов по истории крымско-татарского землевладения: сообщил Ф.Ф. Лашков // *Известия Таврической Ученой Комиссии (ИТУАК)*. Симферополь, 1896. №25. С. 89-158.
- Секиринский, 1984** – Секиринский С.А. Аграрные отношения в Крыму в период позднего феодализма (XVI – первая половина XIX века). Симферополь, 1984. 131 с.
- Секиринский, 1970** – Секиринский С.А. Крестьянская колонизация Крыма в пореформенный период // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1965 год. М., 1970. С. 358-367.
- Сейдаметов, 2005** – Сейдаметов Э.Х. Эмиграция крымских татар в XIX – нач. XX вв. // *Культура народов Причерноморья*. 2005. № 68. С. 30-33.
- Сергеев, 1912** – Сергеев А.А. Уход таврических ногайцев в Турцию в 1860 году. Симферополь. 1912. 46 с.
- Скальковский, 1867** – Скальковский А. Занятие Крыма в 1783 году // Памятная книга Таврической губернии. Симферополь, 1867. Вып. 1. 519 с.
- Статистические сведения о Крыме, 1886** – Статистические сведения о Крыме, сообщенные каймаканами в 1783году: сообщил / Ф.Ф. Лашков // *Записки Одесского Общества Истории и Древностей (ЗООИД)*. 1886. Т.14. С. 91-157.

Чернышев, 1930 – Чернышев Е.И. Причина эмиграции крымских татар в Турцию в 1860 г. // Труды общества изучения Татарстана. 1930. Т.1. С. 93-128.

Kuliev, 2017 – Kuliev F. Confessional Policy of Russia in Relation to Christian non-Orthodox Denominations in the North Caucasus in the late XVIII – early XX centuries // *Bylye Gody*. 2017. Vol. 44. Is. 2. pp. 410-419.

References

Aleksandrov, 1918 – Aleksandrov I.F. (1918). K istorii uchrezhdeniya Tavricheskogo Magometanskogo dukhovnogo pravleniya [To the history of the establishment of the Taurian Mohammedan spiritual government]. *News of the Taurida Academic Commission (ITUAC)*, no. 25, pp. 316-355. [in Russian].

Blyumenfel'd, 1886 – Blyumenfel'd G.F. (1886). Krymsko-tatarskoe zemlevladienie [State legal system of management of Muslim communities of Crimea in the late 18th and early 20th centuries]. Odessa. 112 p. [in Russian].

Boitsova, 2008 – Boitsova E.E. (2008). Gosudarstvenno-pravovaya sistema upravleniya musul'manskimi obshchinami Kryma v kontse 18 – nachale 20 veka [State legal system of management of Muslim communities of Crimea in the late 18th and early 20th centuries]. Reports of the International Scientific and Practical Conference Second Sevastopol Cyril and Methodius Readings. Sevastopol, pp. 325–332. [in Russian].

Vozgrin, 2013 – Vozgrin V.E. (2013). Nemetskie kolonisty i krymskie tatory v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii (XVIII – konets XIX v.) (chast' I) [German colonists and Crimean Tatars in the national policy of the Russian Empire (XVIII – the end of the XIX century.) (part I)]. *Proceedings of the Department of History of New and Contemporary Time*, no. 11, pp. 29-53. [in Russian].

Vozgrin, 2014 – Vozgrin V.E. (2014). Nemetskie kolonisty i krymskie tatory v natsional'noi politike Rossiiskoi imperii (XVIII – konets XIX v.) (chast' II) [German colonists and Crimean Tatars in the national policy of the Russian Empire (XVIII – the end of the XIX century.) (part II)]. *Proceedings of the Department of History of New and Contemporary Time*, no. 12, pp. 43-78. [in Russian].

Gankevich, 1998 – Gankevich V.Yu. (1998). Ocherki istorii krymskotatarskogo narodnogo obrazovaniya: (Reformirovanie etnokonfessional'nykh uchebnykh zavedenii musul'man Tavricheskoi gubernii v XIX – nachale XX veka) [Essays on the history of the Crimean Tatar public education: (Reforming the ethno-confessional educational institutions of the Muslims of the Tauride province in the XIX – early XX century)]. Simferopol', 164 p. [in Russian].

Gasprinskii, 1890 – Gasprinskii I. (1890). Zindzherli-medrese [Zingerli-madrasah]. *Translator-terjiman*, 18 February, no. 6. [in Russian].

Gasprinskii, 1881 – Gasprinskii I. (1881). Russkoe musul'manstvo. Mysli, zametki i nablyudeniya musul'manina [Russian Muslims. Thoughts, notes and observations of a Muslim]. Simferopol', 45 p. [in Russian].

Dmitriev, 2016 – Dmitriev V.V. (2016). Vliyanie G.A. Potemkina na formirovanie organov upravleniya v Krymu v kontse XVIII v. [The influence of G.A. Potemkin on the formation of government in the Crimea at the end of the XVIII century]. *Paradigms of history and social development: a collection of scientific papers*. Sevastopol, vol. 2-3, pp. 97-100. [in Russian].

Druzhinina, 1955 – Druzhinina E.I. (1955). Kyuchuk-Kainardzhiiskii mir 1774 goda [Kyuchuk-Kainardzhsy world of 1774]. Moscow, 384 p. [in Russian].

Islam v Krymu, 2009 – Islam v Krymu: Ocherki istorii funktsionirovaniya musul'manskikh institutov [Islam in the Crimea: Essays on the History of the Functioning of Muslim Institutions]. Sost. E.V. Boitsova, V.Yu. Gankevich, E.S. Muratova, 3.3. Khairedinova. Simferopol, 2009, 432 p. [in Russian].

Lashkov, 1896a – Lashkov F.F. (1896). Istoricheskii ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladieniya [A historical sketch of the Crimean Tatar land tenure]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, no. 24, pp. 35-71. [in Russian].

Lashkov, 1896b – Lashkov F.F. (1896). Istoricheskii ocherk krymsko-tatarskogo zemlevladieniya [A historical sketch of the Crimean Tatar land tenure]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, no. 25, pp. 29-88. [in Russian].

Lashkov, 1890 – Lashkov F.F. (1890). Materialy dlya istorii vtoroi turetskoi voiny 1787-1791g. [Materials for the history of the Second Turkish War 1787–1791 g.]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, no. 10, pp. 79-106. [in Russian].

Levitskii, 1882 – Levitskii G.P. (1882). Pereselenie tatar iz Kryma v Turtsiyu [Resettlement of Tatars from Crimea to Turkey]. *Herald of Europe*, no. 10, pp. 596-640. [in Russian].

Lyubichankovskiy, 2016 – Lyubichankovskiy S.V. (2016). Senatorskaya reviziya Turkestanskogo kraja v 1908–1909 gg. [Senatorial audit of the Turkestan region in 1908–1909]. *Voprosy istorii*, no.1, pp. 127-132. [in Russian]

Masaev, 2003 – Masaev M.V. (2003). Krymskie tatory v vooruzhennykh silakh Rossii (konets XVIII – nachalo XX veka) [Crimean Tatars in the Armed Forces of Russia (late XVIII – early XX century)]: dis. cand. history sciences. Kharkiv, 26 p. [in Russian]

Markevich, 1928 – Markevich A.I. (1928). Pereselenie krymskikh tatar v Turtsiyu v svyazi s dvizheniem naseleniya v Krymu [The migration of the Crimean Tatars to Turkey in connection with the

- movement of the population in the Crimea]. Proceedings of the USSR Academy of Sciences. VII series. *Department of the Humanities*, no. 4-7, pp. 375-405. [in Russian]
- Markevich, 1905** – *Markevich A.I.* (1905). Tavrisheskaya guberniya vo vremya Krymskoi voyny: po arkhivnym materialam [Tavrisheskaya guberniya during the Crimean War: on archival materials]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, no. 37, pp. 1-260. [in Russian]
- Mart'yanov, 1886** – *Mart'yanov P.K.* (1886). Iz proshlogo: Poslednyaya emigratsiya tatar iz Kryma v 1874g. [From the past: The last emigration of Tatars from the Crimea in 1874]. *Historical Herald*, vol. 24, no. 6, pp. 698-709. [in Russian]
- Muftizade, 1889** – *Muftizade I.M.* (1889). Ocherk voennoi sluzhby krymskikh tatar s 1783 po 1899 gg. [An outline of the military service of the Crimean Tatars from 1783 to 1899.]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, no. 30, pp. 1-24. [in Russian]
- Ozenbashly, 1926** – *Ozenbashly A.* (1926). Rol' tsarskogo pravitel'stva v emigratsii krymskikh tatar [The role of the tsarist government in the emigration of the Crimean Tatars]. *Crimea*, no. 2, pp. 143-146. [in Russian]
- Ordera knyazya Potemkina, 1889** – Ordera knyazya Potemkina. 1787 god [Orders of Prince Potemkin. 1787]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUAC)*, 1889, no. 8, pp.1-11. [in Russian]
- PSZRI. T. XXI, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XXI, no. 15708, 1083 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXII, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XXII, no. 15920, 1158 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXIII, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XXIII, no. 17174, 969 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXVIII, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XXVIII, no. 21275, 1326 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXX, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XXX, no. 22772, 1402 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XLIII, 1830** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. I. St. Petersburg, 1830, vol. XLIII, The state book. (part 1), no.15945, 156 p. [in Russian]
- PSZRI. T. VI, 1831** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1831, vol. VI. (part 2), no. 5033, 360 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXXVIII, 1881** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1881, vol. XXXVIII, (part 1), no. 39667, 940 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XLIX, 1874** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1874. vol. XLIX, (part 1), no. 53634, 948 p. [in Russian]
- PSZRI. T. L, 1875** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. II. St. Petersburg, 1875, vol. L, (part 2), no. 54927, 513 p. [in Russian]
- PSZRI. T. XXVI, 1906** – Polnyi Svod Zakonov Rossiiskoi imperii [Complete Collection of Laws of the Russian Empire]. Collection. III. St. Petersburg, 1906, vol. XXVI, (part 1). no. 27429, 1141 p. [in Russian]
- Rasporyazheniya svetleishego knyazya, 1881** – Rasporyazheniya svetleishego knyazya Grigoriya Aleksandrovicha Potemkina-Tavrisheskogo kasatel'no ustroeniya Tavrisheskoi oblasti s 1781 po 1786: soobshchil / N.N.Murzakevich [Orders of the Most Serene Prince Grigori Alexandrovich Potemkin-Tavrishesky concerning the construction of the Tauride Region from 1781 to 1786]. Notes of the Odessa Society of History and Antiquities (ZOOID), 1881, vol. 12, pp. 249-330. [in Russian]
- RGIA** – Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. [in Russian]
- Sakovich, 2016** – *Sakovich A.V.* (2016). Krymskii Konnyi polk: Za Tsarya, Tsaritsu i Otechestvo [Crimean Horse Regiment: For the Tsar, Tsarina and Fatherland]. Military Crimea – military-historical Internet portal: site. URL: <http://military.sevstudio.com/sakovich-konnyi-polk/> (reference date is August 30, 2016). [in Russian]
- Sbornik dokumentov, 1896** – Sbornik dokumentov po istorii krymsko-tatarskogo zemlevladieniya: soobshchil F.F. Lashkov [Collection of documents on the history of the Crimean-Tatar landownership]. *News of the Taurida Scientific Commission (ITUK)*, 1896, no. 25. pp. 89-158. [in Russian]
- Sekirinskii, 1984** – *Sekirinskii S.A.* (1984). Agrarnye otnosheniya v Krymu v period pozdnego feodalizma (XVI – pervaya polovina XIX veka) [Agrarian relations in the Crimea in the period of late feudalism (XVI – the first half of the XIX century)], Simferopol', 131 p. [in Russian]
- Sekirinskii, 1970** – *Sekirinskii S.A.* (1970). Krest'yanskaya kolonizatsiya Kryma v poreformennyi period [Peasant colonization of the Crimea in the post-Reform period]. Yearbook on the Agrarian History of Eastern Europe for 1965, Moscow, pp. 358-367. [in Russian]
- Seidametov, 2005** – *Seidametov E.Kh.* (2005). Emigratsiya krymskikh tatar v XIX – nach. XX vv. [Emigration of the Crimean Tatars in the XIX – beginning. XX centuries]. *Culture of the peoples of the Black Sea region*, no. 68, pp. 30-33. [in Russian]
- Sergeev, 1912** – *Sergeev A.A.* (1912). Ukhod tavrisheskikh nogaitsev v Turtsiyu v 1860 godu [The departure of the Tauride Nogais to Turkey in 1860], Simferopol, 46 p. [in Russian]

Skal'kovskii, 1867 – *Skal'kovskii A.* (1867). Zanyatie Kryma v 1783 godu [Occupation of the Crimea in 1783]. Memorable book of the Taurida Gubernia, Simferopol, vol. 1, p. 519. [in Russian]

Statisticheskie svedeniya o Kryme, 1886 – Statisticheskie svedeniya o Kryme, soobshchennye kaimakanami v 1783godu: soobshchil / F.F.Lashkov [Statistical information about the Crimea, reported by the Kaimakans in 1783]. *Notes of the Odessa Society of History and Antiquities (ZOOID)*, 1886, vol. 14, pp. 91-157. [in Russian]

Chernyshev, 1930 – *Chernyshev E.I.* (1930). Prichina emigratsii krymskikh tatar v Turtsiyu v 1860 g. [The reason for emigration of the Crimean Tatars to Turkey in 1860]. *Proceedings of the Society for the Study of Tatarstan*, vol. 1, pp. 93-128. [in Russian]

Kuliev, 2017 – *Kuliev F.* (2017). Confessional Policy of Russia in Relation to Christian non-Orthodox Denominations in the North Caucasus in the late XVIII – early XX centuries. *Bylye Gody*. Vol. 44. Is. 2. pp. 410-419.

УДК 94 : 323.1(512.145)"1783/1917"

Южные окраины Российской империи и проблема колониализма (на материалах внутренней политики России по отношению к крымским татарам в конце XVIII – начале XX века)

Владислав Владимирович Дмитриев^a, Сергей Валентинович Любичанковский^{b,*}

^a Севастопольский государственный университет, Российская Федерация

^b Оренбургский государственный педагогический университет, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена анализу внутренней политики, проводимой царским правительством по отношению к крымским татарам с конца XVIII века и до начала XX века. В исследовании авторы подвергают критике тезисы ряда ученых о том, что царское правительство и губернская администрация с конца XVIII и до начала XX века по отношению к крымским татарам проводили колонизаторскую политику, направленную на их вытеснение с полуострова. Освещается формирование нормативно-правовой базы, которая позволила оформить права и привилегии татар в соответствии с принципами аккультурации. Показано участие крымских татар в органах местного управления и самоуправления, в которых они имели существенное влияние, особенно в первые десятилетия после присоединения Крыма к России. Рассматриваются особенности прохождения военной службы крымскими татарами в составе российской армии, связанные со специфической системой социальных лифтов. Особое внимание авторы уделили конфессиональной и образовательной политике России в Крыму. Показано, какими реальными возможностями в этих сферах пользовалось татарское население. В статье рассматриваются причины возникновения феномена обезземеливания татар и попытки разрешения данной проблемы. Доказано, что правительственная политика в отношении территории и населения бывшего Крымского ханства, несмотря на свою национальную окраску, носила сословный характер и не имела антитатарской направленности. Дискриминация по национальному признаку отсутствовала. Сделан итоговый вывод о том, что Российская империя проводила в Крыму не колонизаторскую политику, а гибкую политику аккультурации.

Ключевые слова: Россия, правительственная политика, колониализм, аккультурация, Таврическая губерния, губернатор, крымские татары.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: svlubich@yandex.ru (С.В. Любичанковский)